

ДОМОВАЯ РЕЗЬБА В РУССКИХ СЕЛАХ СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ РАЙОНОВ БАШКОРТОСТАНА: ОТ СОЛЯРНОГО ЗНАКА К ТЕКСТУ

Е. Е. Нечвалода

Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН. Уфа, Россия

На материалах полевых исследований в русских селах северо-восточных районов Башкортостана автор анализирует изменения в технике и орнаменте домовой резьбы во второй половине XIX – начале XX в. Солярные знаки в глухой резьбе, вазоны в пропильной и тексты в архитектурном декоре отмечали определенные вехи в развитии. Смысловое поле, которое стоит за каждым из них соотносится с различными пластами в истории и культуре этноса, с различными религиозными и магическими представлениями и с различными уровнями самоидентификации владельцев домов и резчиков – исполнителей (от общинного самосознания и анонимного творчества до индивидуализации купца, предпринимателя, мастера). Вектором эволюции домовой резьбы было развитие от традиционного – к авторскому, от безличного – к персонифицированному, от сакрального – к профанному, от символа – к слову.

Ключевые слова: *домовая резьба, русские Башкортостана, «кургуряки», глухая резьба, пропильные узоры, солярные знаки, мотив «вазона», текст в декоре.*

Русские села северо-восточных районов Башкортостана (территория 3 и 4 стана Златоустовского уезда), были основаны в XVIII–XIX вв. в большей части вольными переселенцами из Пермской (Кунгурского и Красноуфимского уездов) и Вятской губерний. В начале XX в. села динамично развивались, в них функционировали школы, небольшие заводы и цеха. Переселенцы с северных территорий принесли с собой традиции строительства срубных домов, обеспечивавшие сохранность построек на протяжении 100 и более лет. Это обстоятельство предоставило возможность собрать материалы о традиционной архитектуре «кургуряков» и проанализировать эволюцию домовой резьбы во второй половине XIX – начале XX в. Полевые материалы по теме были собраны автором во время экспедиций 2011–2014 гг. в Дуванский, Мечетлинский и Белокатайский р-ны РБ.

Домовая резьба в русских селах Республики Башкортостан не была ранее предметом специальных исследований. Однако, некоторые материалы по интересующей нас теме были собраны ранее. В 1954 г. сотрудник Института истории языка и литературы БФАН¹ СССР Б.Г. Калимуллин, исследовавший деревянную архитектуру Башкирии, во время экспедиции по северо-востоку республики сфотографировал ряд традиционных построек, резных наличников в русских селах Дуванского, Мечетлинского, Белокатайского районов (в сс. Дуван, Тастуба, Вознесенка, Большеустыкинское, Новобелокатай). Эти ценнейшие материалы хранятся в фотоархиве отде-

ла этнографии Института истории, языка и литературы УНЦ РАН. Отдельные образцы русской домовой резьбы позднее были опубликованы автором [Калимуллин: 1984]. Сведения о домовой резьбе содержатся также в статье А.А. Рыбалко, посвященной традиционной архитектуре русских Дуванского района РБ [Рыбалко: 2012].

Ворота, фризы домов «кургуряков» и наличники окон традиционно украшались резьбой. Наиболее ранние образцы их резного орнамента выполнены в технике глухой резьбы (преимущественно плосковыемчатой: двухгранно – и трехгранно-выемчатой, реже – ногтевидной). Широко использовался в архитектурном декоре старинных домов, выполнявшийся в трехгранно-выемчатой технике солярный мотив – многолучевой круг, полукруг или их производный мотив – овал. Этот мотив архитектурной резьбы был распространен на Севере, и, в частности, в Вятской губернии, где также «резьба концентрировалась на наличниках, подзорах и воротах» [Чижикова: 1970, С. 33]. Другим популярным в трехгранно-выемчатой резьбе мотивом был ромб. Этот мотив так же широко распространен и имел свои традиционные особенности трактовки: пространство внутри ромба заполнялось многочисленными «лучами», идущими от центра; нередко такие ромбы вырезались на наличниках и фризах домов.

Заметно реже использовалась глухая плоско-рельефная резьба. В такой технике украшен фриз одного из домов в с. Тастуба Дуванского района; в его орнаменте – круглые шестилепестковые розетки и широкий зигзаг с проработкой поверхности ногтевидной резьбой.

¹ Башкирский филиал Академии наук.

Наиболее обильно украшались глухой резьбой ворота. Еще В. Касимовский отмечал, что «ворота на улицу с резными украшениями» [Касимовский: 1991, С. 5]. Столбы ворот (от нижнего до верхнего края) были декорированы круглыми овальными резными розетками, на поперечных досках (над калиткой и над воротами) по всей длине располагались вырезанные лучистые полукруги – «репы». Прекрасный образец старинных ворот, украшенных глухой резьбой, сохранился в с. Старобелокатай Белокатайского р-на. Эти ворота украшают не только лучистые круги, но и вырезанные на верхней доске изображения больших рыб. Чаше резьба на воротах была проще: на каждом воротном столбе вырезался один крупный лучистый круг. Во всех случаях основной мотив в декоре ворот – это круг или производный от него полукруг, вероятно, в истоках своих – это солярные знаки. Фризы домов и наличники зачастую также украшались этим мотивом.

Пропильные узоры также встречаются в декоре ворот. Там могли быть украшены калитки (точнее – доски, расположенные над ними), в иных случаях кружево резного декора могло располагаться на вершине двускатного навеса над воротами, обрамляя его сверху.

Декоративное оформление наличников во второй половине XIX – начале XX в. претерпевало изменения, усложнялось и обогащалось. Изначально наличники имели прямоугольный силуэт, единственным украшением их служила фризовая доска с лучистым ромбом или полукругом, которые были исполнены в технике глухой резьбы. На одном из виденных нами во время полевых исследований домов, и верхняя, и нижняя доска наличника были украшены глухой резьбой (на верхней помещен полукруг, на нижней ромб). Основной мотив – «репей» в большинстве случаев дополнялся размещенными в верхних или нижних углах доски лучистыми розетками небольшого размера (круглыми или в $\frac{1}{4}$ круга), а также вырезанными крестами, вертикальными полосками, тонкими горизонтальными линиями (иногда такие горизонтальные полоски украшали нижнюю подоконную доску). В дальнейшем силуэт подоконной доски мог усложняться, а нижние концы боковин стали украшать небольшие вырезанные «капельки». В дальнейшем верхней фризовой доске наличника стали придавать также сложный силуэт и она в отдельных случаях приобретала вид своеобразного кокошника. Иногда наличник сверху украшали своеобразным фронтоном. Такие кокошники и фронтоны или вовсе не украшались, либо декорировались по-старинному в тех-

нике глухой резьбы, и при этом в орнаменте их использовались все те же лучистые круги и полукруги. На одном из таких кокошников из села Новобелокатай Белокатайского района в центре резного полукруга сделано отверстие, по верхнему краю кокошника также просверлены отверстия, которые являются органичной частью декора, общей композиции.

Этот образец являет собой показательный пример перехода от глухой резьбы на наличниках окон к узорам пропильным. Своеобразным переходом к накладным узорам можно также рассматривать наличники, которые украшают накладные выпиленные элементы в форме круга, удлиненной капли и др., которые, в свою очередь, покрыты глухой резьбой. В с. Емаша Белокатайского района одним из домов нам встретился деревянный накладной ажурный декор наличника, который был не выпиленным, а вырезанным. Накладные узоры в декоре домов начинают широко применяться с конца XIX в. Сложный узор «деревянного кружева» накладывался на доску наличника (при этом изначально силуэт рамы оставался прямоугольным). Резной декор мог размещаться и над фризовой доской. Иногда пропильные узоры украшали и доску наличника, и размещались над ее верхним краем. На рубеже XIX–XX вв. менялся силуэт оконного проема – его верхний край нередко оформлялся дугой. Следом менялась и форма деревянных кокошников. Постепенно в наличниках усложнялось оформление боковых вертикальных досок, они приобретали ажурный силуэт, по сторонам в верхней и нижней части к ним крепились резные декоративные элементы, нижние концы боковин также прорабатывали, делали удлиненными и заостренными, что усложняло силуэт наличника в целом. Орнамент накладных узоров намного разнообразнее, описанных выше мотивов, характерных для глухой резьбы. Среди пропильных встречались изображения птиц. Пропильные узоры могли покрывать не только фризы и наличники, но и располагаться в межоконном пространстве и на других частях дома.

Интересен один из мотивов пропильных узоров. В Дуванском и Мечетлинском районах среди различных ажурных орнаментов декоративного убранства наличников встречается композиция, в которой центральный мотив – это изображение чаши с букетом. Мотив букета в «вазоне» был распространенным мотивом в домовой росписи на Среднем Урале [Бардулин: 1988, С. 61, 86 и др.] и Русском Севере [Севан: 2007, С. 21, 40 и др.]. Встречался он и в росписи бытовых предме-

тов [Жегалова: 1974, С. 191]. Примечательно, что в росписи цветущий куст, (дерево, букет) в «вазоне» мог быть дополнен гроздьями винограда и виноградной лозой, а также увенчан изображением птицы. «Вазон» же в народных росписях имел форму чаши на ножке.

Самые ранние из известных изображений этого мотива в росписи Урала относятся к XVII в., и встречаются на предметах церковного убранства [Бардулин: 1988, С. 28–34]: «Эти росписи можно рассматривать как своеобразное звено, соединяющее искусство средневековой Руси с крестьянским искусством XVIII–XIX столетий» [Бардулин: 1988, С. 35]. Этот мотив в русском искусстве XVII в. встречался и в иконописи, и в оформлении рукописных книг [Бардулин: 1988, С. 32]. И, видимо, не было случайным использование в цветочном орнаменте народной росписи изображений тюльпанов, винограда, гранатов, обладающих христианской символикой: цветы в христианском искусстве были символом райского сада, изображаемый трехлистным тюльпан был символом Троицы, виноградная лоза – Христа и церкви, гранат – символ Воскресения, птицы, клюющие виноград – причащение, а чаша – это потир – атрибут и символ Причастия (силуэты изображенных в народных росписях чаш точно воспроизводят характерные для потира формы). Прообразом потира был священный Грааль – один из важнейших символов в Христианстве. В архитектурном декоре русских Дуванского и Мечетлинского районов в подобной композиции «вазон» также имеет форму чаши-потира, а с веток его «букета» свисают плоды, в форме которых угадываются гроздья винограда. Очевидно, что истоки этой композиции – в христианском искусстве, и она была наполнена его символикой. Возможно, что изображение потира и виноградной лозы в домах «заявляло» о принадлежности хозяев христианскому миру, было своеобразным символом – таким же, как нательный крест у человека. Являясь христианскими символами, эти изображения обладали и апотропейной силой. Только с нагруженностью этой композиции важными для крестьян представлениями может быть связано столь устойчивое ее сохранение и активное использование в расписном и резном декоре домов Русского Севера и Урала. Заменяв в резьбе лучистый полукруг, «вазон» – потир сохранил апотропейные качества, которыми он наделял весь наличник. Возможно также, что в дальнейшем изображение чаши увязывалось уже в большей степени с представлениями об изобилии и процветании (по аналогии с выражением «дом –

полная чаша»), а цветы и виноград воспринимались как символы процветания, богатства, изобилия.

В архитектурном декоре русских сел исследованных районов прослеживаются некоторые локальные различия. В Дуванском и Мечетлинском районах в орнаменте глухой резьбы на фризах домов почти во всех случаях вырезался «ромб с крючками» (зачастую в сочетании с накладными бордюрами), а в селах Белокатайского района на фризах вырезались почти исключительно «репы» – лучистые полукруги (только в с. Емаши Белокатайского района, которое расположено в непосредственной близости от границы с Мечетлинским – ромбы).

Таким образом, на западе исследуемого ареала на фризах с глухой резьбой вырезали ромбы, а на востоке – «репы». Сходство архитектурного декора в русских селах Дуванского и Мечетлинского районов прослеживается также в орнаменте пропильных оконных наличников. Отмеченные различия, вероятно, были связаны с деятельностью различных бригад плотников-резчиков, работавших в селах. В целом домовая резьба второй половины XIX – начала XX в. в русских селах Дуванского, Мечетлинского, Белокатайского районов – часть единой северной традиции, которую переселенцы принесли с собою в айско-юрюзанское междуречье, на территорию современного Башкортостана.

Постепенно декор наличников усложнялся, наличник приобретал свой «профиль»: верхний край обрамляли карнизы, по бокам крепились выполенные в технике пропильной резьбы узорные кронштейны, в убранстве некоторых наличников использовали объемные, выточенные детали, которыми увенчивались боковины, на боковые доски накладывали объемные фигурные колонки. Среди наличников выделяется группа, главной особенностью которой является разомкнутая линия верхнего края, прерываемая глубокими выемками, а характерной особенностью – выступание боковин за верхний край наличника. Выемки эти делались на фризовой доске по сторонам (перед боковинами) и имели плавный, округлый силуэт. Центральная же часть фризовой доски в одних случаях была очерчена прямой горизонтальной линией, в других – она имела вид небольшого фронтона. В большинстве случаев такой фронтонок также имел разомкнутый силуэт, который создавала выпиленная в центре его глубокая каплевидная выемка. Нередко внутри ее помещалась небольшая фигура, которая могла иметь антропоморфные черты.

В итоге, особенностью силуэта таких наличников были выступающие боковины и одна-две плоскости фронтона, разделяемые глубокими округлыми прогалами. Такие наличники украшались несложными пропильными накладными узорами (в форме интеграла или s-образных фигур), по верхнему краю «фронтона» и выступающих боковин зачастую также располагали несложные пропильные бордюры (в виде набегающей волны или из тех же s-образных фигур). В декоративном оформлении наличников с карнизами, кронштейнами, фронтонами, пилястрами, свисающими гирляндами угадываются черты городской архитектуры и, в первую очередь, барочной. О влиянии городской архитектуры на традиции зодчества в селах Башкирии подробно писала С.Н. Шитова [Шитова: 2004, С. 21–25].

В конце XIX – начале XX в. в резном декоре домов орнамент с его символическим, образным языком перестал быть единственным содержанием ажурных узоров. На фронтонах и наличниках этого времени в композицию резного убранства нередко органично вплетены тексты, инициалы, даты. Происходила своеобразная вербализация декора. Это явление было закономерным, так как прослеживается и на материалах текстильного орнамента, и в резьбе на бытовых предметах. На вышитых предметах, на тканых поясах помещали тексты молитв, поэтические строфы, пожелания, имена владельцев и даты. Тексты на фризах и наличниках были лаконичнее. В домовой резьбе кроме имени владельца и даты создания мастер мог вырезать и свое имя: «СЕЙ ДОМЪ ИВАНА МАСЛЕНИКОВА МАСТЕРЪ А СОРОКИНЪ» (с. Ярославка Дуванского р-на). Бригады резчиков обслуживали много сел. Один и тот же “автограф” сегодня можно встретить на домах в разных селах и даже районах. Так, мастер Котков отмечился и в с. Ногуши Белокатайского р-на РБ (на фризе одного из домов вырезано: «ПОДРЯЧИКЪ КОТКОВЪ 1897 ГОДА ДЕСЕТЬН(...)КЪ КОРНИЛО СЧЕСТЛИВЧЕВЪ»), и в с. Малоустыинское Мечетлинского района РБ (его фамилия «КОТКОВЪ» украшает наличник 1893 г.). Тексты в домовой резьбе превращали ее в исторический документ, т.к. содержали информацию о годе выполнения работ, данные о хозяине дома и о мастерах, выполнивших ее. Обращает внимание, что все тексты и даты были выполнены в самом конце XIX – в начале XX в. Очевидно, что вторжение текста в орнаментальные композиции в конце XIX – начале XX в., замена образного языка и символического содержания информацией иного качества и иного способа ее передачи не была слу-

чайной и сигнализировала о важных изменениях в социуме, в культуре, в мировоззрении. К этому времени уровень грамотности крестьян в русских селах исследуемого региона был весьма высок (о чем косвенно свидетельствуют и большое количество текстов в текстильном орнаменте), этому способствовало открытие школ в течение всей второй половины XIX в. (в с. Дуван школа была открыта уже в 1840 г.), а к началу XX в. школы были открыты уже во всех селах «кунгуряков». В конце XIX в. сообщество крестьян – вольных переселенцев, изначально гомогенное (в культурном и, в значительной степени, в экономическом плане), расслаивалось, в нем выделялись богатые купцы, предприниматели, происходила и профессиональная дифференциация: в селе появлялось много людей, не связанных с сельским хозяйством, – ремесленники, приказчики, экспедиторы, врачи, учителя, писари. Индивидуализация разрушала общинное сознание, формировало иное мировоззрение. Поскольку фасады домов и наличники окон обращены к миру, закономерно, что на них помещались значимые для хозяев символы, обладавшие либо силой оберега, либо заявляющие о высоком статусе владельца (богатый купец делал себе «имя» и мог поместить его на фризе своего дома, хороший резчик также делал себе «имя» и заказать именно у него убранство дома было престижным для хозяина).

Рассмотренные выше традиции архитектурного декора маркируют важнейшие этапы в эволюции домовой резьбы русских северо-востока Республики Башкортостан. Древнейший этап – это глухая резьба и характерные для нее солярные мотивы, связанные с дохристианскими, архаическими пластами культуры; ареал бытования этих мотивов был очень широк (в европейской части, на Урале и в Зауралье). Сам орнамент древен, глубоко традиционен, устойчив в своих формах, безличен. Изображение солнца на окнах не содержало никакой информации о личности человека – хозяина дома или о его принадлежности к определенному сообществу; солярный символ свидетельствовал о принадлежности к космосу, а конкретнее, к миру человека (к миру культуры) в нем. Пропильные узоры – стадийно более позднее явление. Сложные композиции не обладали универсальностью, глубокой традиционностью, в их создании была велика роль мастера, они вариативны и, потому ареалы бытования конкретных композиций в их оригинальных версиях были весьма ограничены. Мотив “вазона” в пропильных узорах встречался в домовой резьбе на Урале и в Сибири, но в конкретной трактовке

– также узколокально. Изображениями христианских символов (потира и виноградных гроздьев) на наличниках своего дома хозяин позиционировал принадлежность к христианскому миру, а это был уже другой уровень идентичности – уровень конфессиональной общности. Тексты в домовой резьбе, появившиеся в самом конце XIX – начале XX в., разрушали анонимность, характерную для народного искусства; они персонифицировали и хозяина дома, и мастера, они указывали на принадлежность дома уже конкретному владельцу – индивиду. У конкретного текста не могло быть ареала, каждый был единственный в своем роде. Апотропейные свойства орнаментированных наличников утрачивались вместе с заменой

солярного знака и христианских символов на них вырезанной датой или фамилией. Происходила определенная десакрализация декоративного убранства.

Таким образом, различия рассмотренных традиций домовой резьбы проявляются не только в формальных признаках (в технике исполнения и в графике орнамента), они были значительно глубже и не исчерпывались противопоставлением древнего и более современного. Их различия описываются целым набором оппозиций: традиционное – авторское, универсальное – индивидуальное, анонимное – персонифицированное, общераспространенное – локальное, сакральное – профанное.

Список литературы

1. Барадулин В.А. Народные росписи Урала и Приуралья (крестьянский расписной дом). Л., 1988. 200 с.
2. Бобринский А.А. Народные русские деревянные изделия: Предметы домашнего, хозяйственного и отчасти церковного обихода. М., 2014. 264 с.
3. Жегалова С.К. Русская народная роспись. М., 1974. 191 с.
4. Калимуллин Б.Г. Деревянная резьба в народной архитектуре Башкирии. Уфа, 1984. 63 с.
5. Касимовский В. Исторические очерки о Дуване (1868 г. 1877 г.). Месягутово, 1991. 28 с.
6. Рыбалко А.А. Традиционная архитектура русских сел Дуванского района Республики Башкортостан // Русские айско-юрюзаньского междуречья (история, антропология, культура): историко-этнографические очерки / сост. Е.Е. Нечвалода. Уфа, 2012. С. 57–98.
7. Севан О.Г. Росписи жилых домов Русского Севера. М., 2007. 216 с.
8. Чижикова Л.Н. Архитектурные украшения русского крестьянского жилища // Русские. Историко-этнографический атлас. Из истории русского народного жилища. Украшение крестьянских домов и одежды (середина XIX – начало XX в.). М., 1970. С. 7–60.
9. Чуйко Л.В. Мотив вазона с растением в накладной резьбе западносибирских наличников конца XIX – начала XX в. // Омский научный вестник. 2013. Вып. 4 (121). С. 211–214.
10. Шитова С.Н. История архитектурного декора в башкирских аулах. Уфа, 2004. 219 с.

Сведения об авторе

Нечвалода Елена Евгеньевна – старший научный сотрудник отдела этнографии, кандидат исторических наук, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН. Уфа, Россия. pishnikonor@yandex.ru

Magistra Vitae.
2017. No 2. P. 135–144.

HOUSE CARVING IN RUSSIAN VILLAGES OF NORTH-EASTERN BASHKORTOSTAN: FROM SOLAR SYMBOL TO TEXT

E. E. Nechvaloda

Institute of Ethnological Research. R.G. Kuzeeva Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia. pishi-nikonor@yandex.ru

Based on the expedition materials from Russian villages of north-eastern Bashkortostan the author analyzes the changes occurred in house carving techniques and ornaments during the second half of the 19th

and early 20th centuries. Solar symbols in flat carving, vases in perforated carving and texts in architectural decor mark some specific stages in the art development. Their semantic contents correlate with different time periods in the Russian people's history and culture, different religious and magic notions and different self-identification levels of homeowners and carvers (from community awareness and anonymous creativity to personalization of a merchant, a businessman or a craftsman). The evolution vector in house carving is directed from tradition to authorship, from impersonality to personalization, from sacrality to profanity, from symbol to word. The research fills lacunas in ethnography of the peoples of the South Urals and that of the Russians. Its results will be needed in mapping the distribution areas of ornaments and the types of window frames and they can also be used in comparative ethnographic, fine art and cultural studies.

Keywords: *house carving, Russian people of Bashkortostan, "Kurguryaks", flat carving, perforated ornaments, solar symbols, vase motif, text enclosed in decor.*

References

1. Baradulin, V. A. (1988). Narodnye rospisi Urala i Priural'ja (krest'janskij raspisnoj dom) [Folk art paintings of the Urals and Ural region (peasant painted house)]. 200 p. Leningrad. (In Russ.).
2. Bobrinskij, A. A. (2014). Narodnye russkie derevjannye izdelija: Predmety domashnego, hozjajstvennogo i otchasti cerkovnogo obihoda [Russian folk woodware: Household and partly church items]. 264 p. Moscow. (In Russ.).
3. Zhegalova, S. K. (1974). Russkaja narodnaja rospis' [Russian folk painting]. 191 p. Moscow. (In Russ.).
4. Kalimullin, B. G. (1984). Derevjannajarez'ba v narodnoj arhitekture Bashkirii [Wood carving in folk architecture of Bashkiria]. 63 p. Ufa. (In Russ.).
5. Kasimovskij, V. (1991). Istoricheskie očerki o Duvane (1868 g., 1877 g.) [Historical essays on the village of Duvan (1868, 1877)]. 28 p. Mesjagutovo. (In Russ.).
6. Rybalko, A. A. Tradicionnaja arhitektura russkih sel Duvanskogo rajona Respubliki Bashkortostan [Traditional architecture of the Russian villages in the Duvanskiy district of the Republic of Bashkortostan]. In Nechvaloda, E. E. (Comp.). (2012). *Russkieajsko-jurjuzan'skogo mezhdurech'ja (istorija, antropologija, kul'tura): istoriko-jetnograficheskie očerki* (pp. 57–98). Ufa. (In Russ.).
7. Sevan, O. G. (2007). Rospisi zhilyh domov Russkogo Severa [Paintings of dwelling houses in the Russian North]. 216 p. Moscow. (In Russ.).
8. Chizhikova, L. N. (1970). Arhitekturnye ukrasheniya russkogo krest'janskogo zhilishha [Architectural decorations of the Russian peasant house]. In *Russkie. Istoriko-jetnograficheskij atlas. Izistorii russkogo narodnogo zhilishha. Ukrashenie krest'janskih domov i odezhdy (seredina XIX – nachalo XX v.)* (pp. 7–60). Moscow. (In Russ.).
9. Chujko, L. V. (2013). Motiv vazona s rastenijem v nakladnoj rez'be zapadnosibirskih nalichnikov konca XIX – nachala XX v. [Flower vase motif in carved plates of western Siberian window frames of the late 19th and early 20th centuries]. *Omskij nauchnyj vestnik*, 4/121, pp. 211–214. (In Russ.).
10. Shitova, S. N. (2004). Istorija arhitekturnogo dekora v bashkirskih aulah [History of architectural décor in Bashkir villages]. 219 p. Ufa. (In Russ.).

Приложение

Рис. 1. Образцы глухой резьбы на воротах

Рис. 2. Образцы глухой резьбы на фризах домов

Рис. 3. Глухая резьба на наличниках

Рис. 4. Накладные пропиленные узоры на фризах

Рис. 5. Пропиленные узоры на наличниках

Рис. 6. Мотив «вазона» в орнаменте наличников

Рис. 7. Тексты и даты в орнаменте домовй резьбы